

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 22 (378)

16-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора в ред.: 141, г. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11 — 1 ч.

25 Ноября 1936 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Чередовая: К с'езду.
Дан. Или — или.
Югов. О советском служащем.
Шварц. На пути к общественной активности.
Литература и жизнь: В. Александрова. Проблема незаметного человека.
Греков. Зам'тки: Не ко двору... — Хлам или стиль?
Архив Троцкого и ГПУ.

Р. Абрамович. На испанском фронте.
Заграницей: Правительство Блюма на новом этапе. — Раскол в американском профдвижении. — Политика Польской Социалистической Партии. — Греция под пятой диктатуры.
Из партии: К смерти Р. Салаграно. — 50-летие А. Югова.
Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик. — От редакции.

К Съезду

Первые экземпляры настоящего номера «Социалистического Вестника» придут в Москву к самому началу заседаний 8-го Чрезвычайного Всесоюзного С'езда Советов. Но писать, набирать и печатать это номер нам приходится за 5-7 дней до этой даты, — срок огромный в наше время, когда события набегают друг на друга такой лихорадочной чередой. Никто не может в точности предусмотреть, как сложится международная обстановка ко дню открытия с'езда, и еще менее того может кто-либо предсказать, не ожидают ли нас за остающийся промежуток времени какие-либо новые внутренне-политические сюрпризы. И эта тревожная напряженность, которую окутан завтрашний день, уже сама по себе достаточно громко говорит о том, в какой поистине переломный момент собирается советский с'езд, чтобы дать 170-миллионной революционной стране новую конституцию, какая колоссальная историческая задача стоит перед ним, и какая громадная историческая ответственность ложится на его участников.

В своем Открытом Письме советскому учредительному с'езду наша партия с полной ясностью высказала свое понимание и этого момента, и этих задач, и этой ответственности.

С'езд собирается в момент, когда в порядок исторического дня все настойчивее вдвигается решительная борьба между мировым социализмом и мировым фашизмом, этим «последним при-

крытием капитализма», и когда фашизирующийся капитализм грозит обрушить на человечество смерч новой мировой войны, первой жертвой которой может стать Советский Союз. В этой обстановке задача обороны Советского Союза от фашистских насильников неразрывно сплетается с задачей сохранения Союза в качестве могучей питательницы мирового рабочего движения в его борьбе с мировым фашизмом и повелительно требует укрепления и развития тех элементов и тенденций социализма, которые заложены в советской революции. Непременным условием такого укрепления и развития является действительная, серьезная, честная демократизация советского режима, а ключом к этой демократизации — утверждение подлинной свободы организации, самостоятельности и идейно-политического самоопределения трудящихся масс. Таким образом раскрепощение организации трудящихся от принудительной опеки бюрократизирующейся коммунистической партии, в свою очередь принудительно руководимой бесконтрольным и самовластным верховным «вождем», — вот центральная практически-политическая задача, которую наша партия указывает с'езду, если он хочет подняться до уровня своей исторической миссии.

Великостью миссии измеряется и великость ответственности всех участников с'езда. От них зависит превра-

тить обсуждение и утверждение новой конституции не в простое штемпелевание представленного проекта, а в решительный шаг на пути к той демократизации режима, которой так настоятельно требуют интересы советских и мировых трудящихся масс, интересы российского и международного социализма. Ничто не может снять с них этой ответственности. Как бы ни происходили выборы на чрезвычайный советский съезд, все члены его, приняв из рук избирателей мандаты, не только получили тем самым право, но взяли на себя обязательность отстаивать до конца интересы этих избирателей. Только недостаток мужества мог бы помешать им выполнить эту обязанность. Но недостаток мужества может объяснить, он ни в малой степени не может оправдать измены взятым на себя обязательствам. Наоборот, самая возможность постановки вопроса о недостатке мужества у членов советского «Учредительного Собрания» напоминает о тех условиях безграничного террора и самовласти на одном полюсе, рабологии и молчаливства на другом, в которые режим единоличной диктатуры вгоняет страну и которые не могут не истребить всех ростков демократии, если сами не будут ликвидированы при самом приступе к демократизации. Эта ликвидация, без которой самые лучшие слова конституции останутся мертвыми текстом, стоящим в кричащем противоречии с действительной жизнью, составляет также важнейшую, можно сказать — самую важную обязанность членов съезда. Невыполнение ее было бы равносильно признанию своего банкротства.

Таков смысл обращения нашей партии к советскому съезду, и мы можем лишь повторить, что российская социалдемократия ничего так не желает, как чтобы съезд оправдал возлагаемые на него надежды.

Но, как бы сильны ни были наши желания в этом смысле, мы, разумеется, не обольщаемся никакими иллюзиями. Мы хорошо знаем, что выборы на съезд происходили не только, как полагается, без малейших признаков свободы политической агитации, но в атмосфере привычного террора, еще сгущенной недавним и предстоящими еще «процессами», призванными до беспмятства запугать всех инакомыслящих, и что обещанная конституцией «тайна» выборов есть еще музыка будущего. Мы хорошо понимаем, что при таких условиях подавляющее число мандатов на съезд очутится в руках ставленников единоличной диктатуры, ее собственного аппарата, ее прихлебателей и коррумпированных ее элементов, и что та небольшая горстка подлинных представителей чаяний и надежд трудящихся масс, которая все же проникнет в пышно декорированный зал Большого театра, будет терроризована, оглушена, сбита с толку, доведена до онемения неистовыми овациями по адресу «вождя» и «патриотическим» беснованием «безлести преданных» Молчалиных. И мы ни мало не заблуждаемся на счет того, что голосу этой горстки вряд ли удастся нарушить торжественную симфонию «сто процентного» единодушия; что наиболее вероятным видимым результатом съезда будет единогласное принятие проекта конституции в том виде, как он вышел из рук его творца, разве что с небольшими и не имеющими никакого реального значения, но одобренными тем же творцом поправками; более того, что приходится опасаться какого-либо (быть может, уже сейчас во всех деталях в канцелярии генсека подготовляемого) «самопроизвольного» акта съезда, в той или иной форме увековечивающего режим единоличной сталинской диктатуры.

Да, все это так. Но как бы великолепно ни была организована режиссура в подготовке и проведении

съезда, за этими видимыми результатами его будут и результаты невидимые, но на исторических весах гораздо более полновесные и потому более важные.

Новая конституция не дает трудящимся массам подлинной демократии. Ее конечно не даст им и съезд, ибо весьма мало вероятно, чтобы такой съезд мог «взбунтоваться» против режима единоличной диктатуры и ликвидировать ее: скорее, как уже сказано, приходится опасаться, что он даст этому режиму окончательное оформление. Но повернуть обратно колесо истории никакой съезд и никакая режиссура не могут. Просыпающаяся в массах тяга к свободе организации, самостоятельности и самоопределения есть исторический факт, которого уже никто уничтожить не может. Пусть новая конституция задумана даже лишь как средство направить эту тягу масс по пути, заводящему ее в тупик: то обстоятельство, что для этой цели пришлось прибегнуть к такому средству, особенно убедительно свидетельствует о том, что нарастающее в массах стремление к демократизации режима имеет глубочайшие корни в самих условиях жизни этих масс после двух бурных революционных десятилетий. И если бы даже, по замыслу ее творцов, конституция должна была служить лишь ширмой, скрывающей от взоров масс фактическое закрепление режима единоличной диктатуры, то для самих этих масс всякое демократическое слово конституционного текста будет служить лишь призывом к борьбе за действительную демократизацию, всякий параграф ее, и особенно параграф о тайне голосования, будет становиться оружием этой борьбы. Юридическое оформление единоличной диктатуры, если бы съезд и впрямь провел его в том или ином виде, конечно, чрезвычайно затруднит эту борьбу, остановить ее оно уже не сможет.

Поэтому, пусть на советском съезде не раздастся ни одного смелого голоса; пусть ни один делегат не почувствует возможности или не найдет в себе мужества громко сказать то, о чем думают миллионы рабочих и крестьян Советского Союза. Вернувшись к себе на места, окунувшись снова в то рабоче-крестьянское море, из которого они вышли, не один, а десятки и сотни делегатов будут впитывать в себя настроения родной им социальной среды, оформлять эти настроения, по настоящему продумывать те впечатления и мысли, которые мертвым, подспудным грузом будут до поры до времени отлагаться в их душе в угарно-взвизниченной обстановке парадного съезда, и нести в массы те самые, в массах зарождающиеся идеи, которые изложены в нашем «открытом письме», даже если бы, — как в этом, конечно, нельзя сомневаться, — власти предержащие и приняли все меры, чтобы не дать делегатам съезда возможности ознакомиться с этим письмом.

К ним, к этим подлинным сынам рабоче-крестьянской массы, пусть сбитым с толку, пусть растерянно ищущим еще своего пути, и обращено в первую голову наше письмо. Рано или поздно, если не подлинник письма, то слухи и толки о нем дойдут до них. Мы сочтем задачу его достигнутой, если оно поможет им выбрать на правильную дорогу и повести за собою на эту дорогу трудящиеся массы. Через них социалдемократия пытается говорить с этими массами с твердой решимостью всячески содействовать им в использовании нового, конституционного оружия в борьбе за жизненно необходимую им подлинную демократизацию режима.

Историческое значение Чрезвычайного Советского Съезда — не в том, что он заканчивает борьбу масс за демократизацию, а, наоборот, в том, что он кладет начало.

Или — или

Не многим более 2½ месяцев прошло со дня расстрела Зиновьева, Каменева, И. Н. Смирнова, Мрачковского и их сотоварищей по скамье подсудимых в «процессе 16-ти». О нем вспоминают лишь изредка в речах советских сановников и статьях советских газет, чтобы бросить лишний комочек грязи в бывших вождей октябрьской революции, большевистской партии и Коминтерна, в былых ближайших сотрудников Ленина.

Не многим более 2½ месяцев прошло с того времени, когда, если верить советским газетам, миллионы рабочих, крестьян и прочих граждан Советского Союза, даже граждан детского возраста, настойчиво требовали только расстрела «бешеных собак», но и немедленно и тщательного расследования деятельности других представителей старой гвардии большевизма: Бухарина и Радека, Пятакова и Сокольников, многих других. Но в один прекрасный день все такого рода резолюции, письма, требования, как по мановению руки, исчезли со страниц советской печати. Граждане как будто забыли о своих требованиях или перестали интересоваться ими. Даже в открытом ныне во всех советских газетах отделе «писем читателей» нельзя найти ни малейших следов тревоги, как будто обуревавшей так недавно. А между тем Бухарин восстановлен в своих правах, — и никому из граждан, так упорно требовавших следствия над ним, неизвестно — почему. Радек, Пятаков, Сокольников и вместе с ними еще длинная вереница виднейших сановников Союза, в том числе и военных, сидят, — и опять-таки никто как будто знать не хочет — почему. «Миллионы» не спрашивают, советская печать молчит. Но кто-же не понимает, что достаточно нового нажима кремлевской кнопкой, чтобы снова оказалось, якобы советские граждане, мужчины и женщины, старики и «трудные ребята, и спать спать не могут без того, чтобы через рупор резолюций, писем в редакцию и стихотворений не прорываться: уничтожить! истребить! расстрелять!

Мы не знаем, будет-ли устроен новый процесс старой гвардии большевизма: может быть, он уже состоялся «за закрытыми дверями»? Мы не знаем, будут-ли снова организованы массовые расстрелы старых большевиков: может быть, кое-кто из них уже покоится в могиле с чекистской пулей в затылке? Ничего этого мы не знаем, как не знает никто из граждан Советского Союза. Мы предполагаем лишь, что самое простое и разумное побудит вождей воздержаться от повторения палаческой трагикомедии «процесса 16-ти» и последовавшей за этим процессом бойни. Но что мы наверное знаем — и этого не могут не понимать и все советские граждане — так это то, что те методы инсценировки и фальсификации «общественного мнения», которые так ярко проявляются во внезапных требованиях и столь-же внезапном молчании «миллионов», компрометируют в глазах рабочих и всех, сидящих перед советским Союзом» всего мира советское правосудие не менее, чем скомпрометтированы его инквизиционные методы зиновьевско-троцкистского процесса.

А между тем Советскому Союзу теперь особенно нужно доверие к его юстиции. По тот день, в который пишутся эти строки, советская печать не проронила еще ни слова о тех массовых арестах иностранцев, главным образом немцев, которые произведены в Советском Союзе свыше двух недель тому назад: советским гражданам знать об этом, очевидно, не полагается, — им сообщают, когда понадобятся «резолюции». А между тем заграничная печать полна сообщениями об этих арестах. Говорят о шпионстве, террористических пла-

нах, похищении важных секретных документов, касающихся обороны Союза, об участии в этом деле опять-таки самых высоких сановников армии. Говорят об энергичных представлениях и предполагаемых контрмерах Гитлеровской Германии, об ее угрозе порвать дипломатические сношения с Союзом, об усиливающейся в связи со всем этим военной опасности. Советских граждан это, видно, опять-таки не касается: «вожди» укажут им, когда надо будет кричать «ура» и заряжать винтовки*).

Что верного в этих сообщениях заграничной печати, никто с точностью сказать не может. Можно, конечно, с уверенностью предположить, что Гитлер имеет немало своих шпионов в Советском Союзе, и нет никаких оснований заранее подвергать сомнению заявления советского правительства, что ему удалось изловить часть этой шпионской шайки. Судебный процесс должен раскрыть истину. Но — над советским правосудием парит тень «процесса 16-ти», поколебавшего доверие миллионов людей к этому правосудию. Миллионы людей не могут подавить в своей душе смутных подозрений, — не затеяны-ли все эти аресты иностранцев лишь затем, чтобы создать новую «амальгаму» и попытаться еще раз «доказать», что Радек и Пятаков, Сокольников и все зиновьевцы - троцкисты — «агенты Гестапо»? В глазах миллионов людей предстоящий суд над шпионами (если все дело не будет ликвидировано в порядке «обмена») заранее опорочен бывшим судом над старой гвардией большевизма. Надо-ли говорить о том, как пользуются этой душевной растерянностью миллионов рабочих и «друзей Советского Союза» все враги его и, в первую голову, германские фашисты? Надо-ли указывать, какой урон наносится этим безопасности Союза и делу его обороны от возможного нападения?

Вот о чем должны подумать все граждане Советского Союза. Вот о чем обязаны подумать прежде всего делегаты советского съезда.

Накануне введения конституции, обещающей выборность судей, их независимость от начальства, самый демократический суд в мире, процесс 16-ти еще раз раскрыл чудовищные залежи неправосудия и инквизиционности в советской юстиции. Он бросил одновременно яркий свет на полную коррупцию советской печати, на полное отсутствие каких-либо путей для свободного выражения подлинного общественного мнения подлинных миллионов советского народа, на полную необеспеченность личности и самой жизни граждан перед произволом, даже когда этот произвол облачается в судебные формы. Этот процесс напомнил о том, какую колоссальную опасность для внутреннего развития Союза является советское неправосудие. Но, как мы видели, не меньшей угрозой становится оно и для внешней безопасности советской страны. Положить ему конец, создать суд, во всех стадиях судопроизводства подлинно контролируемый подлинным общественным мнением страны — одна из самых жизненных задач, стоящих перед советским съездом, призванным дать стране новую конституцию.

Но, если делегаты съезда захотят вплотную подойти к этой задаче, то они сейчас-же убедятся, что ее нельзя изолировать от основной задачи — задачи подлинной, а не маргаритовой демократизации режима. Нет и не может быть правосудия в стране, где ЧК, хотя бы она и переименовалась в Отделение Государственной Безопасности, всеисильна. Нет и не может быть правосудия в стране, где безраздельно и бесконт-

*) Судя по появившимся в иностранных газетах 18 ноября телеграммам, сообщение Тасса осведомило, наконец советских граждан по крайней мере о части опубликованных заграничной сведений об этом деле.

рольно господствует воля одного, где всякое слово критики по адресу этого одного считается государственным преступлением, где «свободу» слова, печати, собраний, организации предполагается и при «самой совершенной демократии» дать лишь тем, кто стоит на коленях перед этим одним. Нет и не может быть правосудия там, где нет подлинной свободы организации, самостоятельности и идейно-политического самоопределения для народных масс

— этого единственно подлинного устоя подлинной демократии.

Надо выбирать: или — или. Или дальнейшее закрепление режима единоличной диктатуры, или действительно серьезный шаг к демократии. Кто выберет единоличную диктатуру, тот возьмет на себя ответственность не только за увековечение неправосудия, но и за все те грозные внутренне- и внешне-политические последствия этого неправосудия, не видеть которых теперь уже ни кто не может.

Ф. Дан.

О советском служащем

Советские служащие, как социальный слой находятся сейчас еще в стадии формирования, в стадии познания себя, как обособленной социальной группы. Этот процесс происходит относительно медленно, потому что весь СССР еще находится в состоянии социальной неуравновешенности и революционной перекоски старых и эмбрионального образования новых классов, но и потому что слой государственных служащих в СССР как нигде громаден и состоит из самых разнообразных исторических напластований.

Представители старой русской интеллигенции и новая молодежь из рабфаков и комсомола. Старые дореволюционные чиновники и большевистский актив. Выдвиженцы из рабочей среды и дети представителей классов, ликвидированных революцией. Люди, еще и сегодня живущие воспоминанием о прошлом, у которых «золотой век» позади, и люди, поднявшиеся из низов, у которых все надежды на будущее. «Люди в футляре», и люди, сморяющие на свою повседневную работу, как на общественное служение. Люди, верящие в то, что в СССР строится социализм, и люди «20-го числа»!

Времена, когда к служащему, к человеку не занятому физическим трудом, власти относились в СССР пренебрежительно, давно уже прошли. Постепенно отношение к врачу, учителю, бухгалтеру, агроному, инженеру или ученому, как к гражданину второго разряда, стало выветриваться, а к некоторым категориям служащих, к высшим специалистам, сменилось на бережное, почти почтительное.

Увеличение удельного веса служащих в общей структуре страны изменило и их социальное самочувствие и отношение к ним руководящих представителей власти. И органы власти и руководители хозяйственных организаций неоднократно выступали уже с директивой «примирения» с советскими специалистами. Проблема недостатка кадров пробудила и воспитала бережное отношение ко всем людям определенной специальности и самостоятельных знаний. Интересно отметить, что и советская действительность и советская литература дают в последние годы многочисленные примеры того, как носителями настоящих знаний и творческого служения интересам коллектива являются старые интеллигенты, а не только комсомольские энтузиасты.

Перемена в отношении к труду и положению служащего отразилась уже в быту, и последние анкеты среди старших групп учащихся ярко свидетельствуют, что рабочая молодежь стала значительно охотнее идти на работу врачей, учителей, экономистов, землемеров, чем ранее. Рабочий металлист перестал быть в психологии масс категорией более привилегированной, чем врач или учитель.

В быту широких масс вновь возродилось стремление вывести своих детей в служащие, желание выжить-

ся с завода в управление, от станка к письменному столу.

Советская власть лишь постепенно пересмотрела свое отношение к советским служащим, она по мере возрождения страны стала осмысленнее оценивать общественно-полезную роль сперва инженера, потом врача, затем учителя, затем ученого и т. д. Она перестала их травить, держать на вечном подозрении, обречать на полугодное существование.

По мере социального укрепления всего слоя, в среде служащих стало происходить, как и в среде рабочих, расслоение по материальному положению.

Сейчас дифференциация служащих зашла очень далеко. От мелкого служащего с трудом сводящего концы с концами до управляющих трестами, директоров предприятий, заведующих отделами и крупных специалистов, получающих в месяц многие тысячи жалования.

Не однообразна, естественно, и психология и настроения советских служащих. Общее у них — несомненное замещение с властью и желание, независимо от былых взглядов, приспособиться к сложившимся в СССР условиям. У многих — ярко выраженное чувство советского патриотизма. Эти верят, что строится новая великая Россия. Многие ценят возможности широкой и разнообразной научной работы, которые им предоставляла советская власть. Инженеры и техники очень часто горят пафосом строительства и целиком во власти неисчерпаемых перспектив, которые им предоставляет рвущаяся к жизни страна. Немало таких, кто компасом своей деятельности незримо сделал свое карьерное продвижение и кто с бдительной осторожностью приумножает всячески свое личное накопление. Но много и таких, кто всякую свою работу, как бы она мала ни была, делает не за страх, а за совесть.

В основной массе служащих еще не закрепились их политические установки и социальные чаянья.

На крайних полюсах этого социального слоя в последнее время стали определяться два ясных типа служащих. Маленький, запуганный жизнью, советский служащий все более и более стал превращаться в чиновника, формально исполняющего свои обязанности, заботливо относящегося к бумаге, но небрежно к человеку. На вершине советской иерархии стал оформляться советский вельможа, не имеющий в кармане партбилета, но уже в той или иной форме причастный к власти. Два основные элемента бюрократии уже вполне определились. Но в основной толще масса советских служащих еще ищет своих путей...

Сейчас советские служащие накануне решающего акта, ликвидирующего их гражданскую неполноценность. Со времени речи Сталина о «беспартийных большевиках» тенденции к формальному уравниванию служащего с рабочим стала быстро реализовываться.

Ликвидация «социального происхождения», равный

доступ к образованию, квартирные льготы, награждение орденами — это были лишь первые шаги.

Проект советской конституции уравнивает служащих в полной мере с рабочим, и передовые «Правды» авторитетно разъяснили, что отныне в понятие трудящегося в полной мере включается и служащий и интеллигент.

Будущее советских служащих, как социального слоя, определится в зависимости от того, какие социально-политические процессы возобладают в советской действительности и какие тенденции станут решающими в среде самих служащих.

Если основная масса служащих свяжет свою судьбу судьбой вырождающейся диктатуры, если она в полной мере превратится в служилое сословие, не имеющее своей мысли и своей воли, то она станет в сознании народных масс проводником насилия и велений власти. Она в таком случае разделит судьбу всех метаморфоз диктатуры, она будет опорой всякого строя, на знамени которого будет написано: порядок, и который обеспечит ей получение жалованья, но она же примет на себя ярость и ненависть масс в дни, когда диктатура будет ликвидирована.

Но, если в среде служащих главенствующим окажется сознание своей связи с основным классом трудящихся — с рабочим классом, если в ней победят общественные настроения, то служащие свяжут свою судьбу с борьбой рабочего класса за сохранение завоеваний революции, за демократизацию советского строя, за реализацию обещанных конституцией политических свобод, против самовластия диктатуры, против бюрократического ее вырождения.

Роль служащих в Советском Союзе так велика, что от того, какую позицию займут они в ближайшие решающие годы, многое зависит. Они могут своей ежедневной работе способствовать введению реальной конституции, борясь против бюрократии, против несправедливости, за гласность и общественный

контроль. Они могут всячески способствовать процессу демократизации режима и в полном согласии с основным законом страны, с конституцией, вести борьбу против больших и малых самодуров.

Но для того, чтобы эта борьба служащих была успешна — нужно связать ее идейно с великой борьбой рабочего класса за полное освобождение трудящихся, за социализм, нужно, чтобы служащие чувствовали и осознавали себя одним из отрядов рабочего класса.

Конечно, «беспартийные большевики» и советские вельможи будут держать курс на свое продвижение по бюрократической лестнице, некоторые из них, б. м., удостоятся даже приема в коммунисты. Их судьба — это судьба большевистской верхушки. Они провозгласят завтра Сталина цезарем или консулом, если получат такой приказ. Они будут завтра кричать: да здравствует демократия, если этого захочет Сталин, конечно, заранее приготовив для нее бюрократические пути и ловушки. Они легко примут и изменение социальной сущности советского режима, ибо для них социальная борьба — это борьба клик за влияние.

Но основная масса служащих сейчас на распутье. Советская конституция, свободы ею провозглашенные и выборы в местные и центральные советы потребуют от советских служащих ясного ответа. За что подают они свой голос: за бюрократизирующуюся диктатуру или за действительную демократизацию советского строя? С кем они — с партийными и непартийными вельможами или с рабочим классом, который и в СССР вынужден вести борьбу за свое полное социальное освобождение?

Большинству советских служащих не трудно сделать свой выбор: разве не связаны они с рабочим классом и своим происхождением и бытовой обстановкой и семейными узами?

А. Югов.

На пути к общественной активности

В статье «Передовики и рабочие массы» в предыдущем номере «Социалистического Вестника» я пытался заметить, как складывается новая социальная структура в Советском Союзе и как на почве стахановского движения начинает формироваться здесь новый слой рабочих передовиков. На развитии этого слоя и на роли его в процессе возрождения в Советском Союзе рабочего движения стоит остановиться несколько подробнее.

Если внимательно присмотреться к передовикам производства, выдвинувшимся за время стахановского движения, в них можно заметить некоторые общие для большого числа передовиков черты.

В первые месяцы стахановского движения у стахановцев был чрезвычайно силен пафос личного успеха. Небывалые заработки, возможность широкого удовлетворения личных потребностей после годов упорной борьбы с нуждой многим вскружили голову. Вероятно, сейчас и кое-кто из баловней стахановской весны с чувством неловкости вспоминает свое тогдашнее хвастовство неожиданно привалившим «богатством». Хвастовство это одно время распустилось пыльным цветом, и коммунистическое начальство всецело его поощряло, пытаясь внушить передовым стахановцам мысль, что их высокие заработки, открывающие пред ними возможность — не в пример громадному большинству рабочих — широко удовлетворять

свои личные потребности, являются естественным выражением их более высокой социальной ценности, что подъем их над жизненным уровнем рабочих масс означает процесс самоутверждения их личности. От этой мысли коммунистическая печать не отказалась и сейчас, но в настроении ее рабочей аудитории что-то явно переменялось. И когда, напр., «Труд» недавно сообщил, что стахановец такой-то «приступил к внутренней отделке своего дома», что дом будет «светлый, красивый, теплый и удобный», по образцу «усадьбы» (!) другого стахановского имярека, — у многих читателей «Труда» было, вероятно, ощущение какой-то бестактности, совершенной редакцией профсоюзной газеты. Ну, строит себе какой-то счастливчик дом, о каком и мечтать не смеют миллионы рабочих (к тому же и строит-то в сущности в значительной мере за счет предприятия), но в чем положительное общественное значение этого факта? Почему нужно отмечать его, как какое-то «наше достижение» на страницах газеты, пытающейся выражать интересы организованного пролетариата?

Многих из видных стахановцев перспектива личного преуспеяния поглотила полностью. Они обрастают вещами, строят свою личную жизнь, энергично пытаются пробиться вверх и мечтают — об орденах. Но очень часты в среде передовиков производства и совсем иные настроения. Еще почти в самом начале ста-

хановского движения «Социалистический Вестник» отметил борьбу «личного» и «общественного» в психике передовых стахановцев: «Возможно, что вчера еще восприятие действительности и у Стаханова, и у Бусыгина, и у Сметанина, и у многих других было иное, что к собственному рекорду они пришли прежде всего с мыслью о личном успехе. Но когда они очутились в центре общественного внимания, почувствовали себя живой, активной частицей громадного общественного организма, ощутили общественное значение своего труда, у них начала быстро складываться иная психология. Стаханов и Бусыгин, Виноградовы и Кривоносов, Сметанин и Лихорадов в несколько недель заметно выросли, и в сознании их общественные интересы начинают занимать значительное место» *). Правда, и у этих передовиков «личное» фактически часто тесно переплетается с «общественным», и их общественная работа в значительной мере определяет их личное возвышение. Но это «личное» уже совсем иного порядка, и ему почти чужды примитивно-индивидуалистические черты, характерные для настроений просто преуспевающих строителей «красивых и удобных» «усадб».

За истекший год общественно-прогрессивные настроения определенной части рабочих-передовиков получили свое дальнейшее развитие. Они находят себе прежде всего выход в усиленном внимании к общей и особенно к технической учебе — и самих передовиков и рабочих масс — и в широком движении по «передаче опыта» и по «подтягиванию отстающих», зародившемся еще в прошлом году и в последние месяцы захватывающем все шире передовых стахановцев. Массовая тяга к учебе является вообще самой привлекательной чертой новейшей советской действительности. В ней, может быть, находит свое наиболее яркое выражение «динамичность» развития революционной страны. В этом массовом движении к общей и особенно технической культуре передовые стахановцы часто выступают в роли инициаторов и подлинных передовиков.

Правда, в известной мере это линия наименьшего сопротивления. На этом пути наши передовики не рискуют вступить в конфликт с властью. Больше того: всякая инициатива в этой области встречает одобрение сверху. Но общественная инициатива рабочих передовиков этим далеко не ограничивается.

Почти с первых же шагов стахановского движения в правящих кругах начала сказываться тенденция к замещению стахановцами рабочих организаций. Уже то, что бюрократизировались и превратились в послушное орудие компартии и власти наши профсоюзные органы, но с возникновением стахановского движения и без того узкие рамки их деятельности начали все больше суживаться. Достаточно напомнить, как был осуществлен в начале года общий пересмотр норм выработки, основной задачей которого было резкое повышение интенсивности труда. Первоначально было решено поручить этот пересмотр конференциям хозяйственников и стахановцев; об участии представителей профсоюзов в этих конференциях даже и не упоминалось. По мере развития кампании по пересмотру норм профсоюзы все же во многих местах были привлечены к участию в конференциях, и кое-где на конференциях не обошлось даже без конфликтов между хозяйственниками и представителями профсоюзов. Стахановцы в этих конфликтах либо держались в стороне, либо поддерживали хозяйственников; да и представители профсоюзов обычно при первом же окрике со стороны парткома капиту-

лировали. Но вот прошло немного месяцев, и картина явно начинает меняться.

Среди передовых стахановцев в большинстве случаев уже давно — относительно давно, конечно; время у нас идет быстро — нет того настроения, с которым они пришли на конференции по пересмотру норм. Тогда они в большинстве случаев и впрямь верили в осуществимость непосредственного значительного повышения производительности труда без резкого усиления нажима на рабочую силу, а прежде и больше всего путем технической и организационной рационализации производства. Эта рационализация производства осуществляется гораздо медленнее, чем это было намечено. Но новые нормы выработки, установленные в соответствии с неосуществленными «организационно-техническими мероприятиями», проведены со всею твердостью и превратились в орудие сильнейшего давления на рабочие массы. Еще совсем недавно об этом — по своему, конечно, — напомнил Наркомтяжпрома в приказе, носящем многоговорящее название: «Перерасход фондов зарплаты — нарушение государственной дисциплины» («За Индустриализацию» от 24-го октября). Приказ напоминает, что при введении новых норм выработки «руководители предприятий обязаны были одновременно провести и ряд организационно-технических мероприятий», обеспечивающих выполнение новых норм. Мероприятия эти во «многих» предприятиях остались неосуществленными, и руководители предприятий, чтобы компенсировать рабочих, «допустили необоснованное механическое повышение зарплаты». За вызванный этим «перерасход фондов зарплаты» Наркомтяжпрома обрушивает теперь громы на ряд поименно перечисленных видных хозяйственников. С «необоснованным механическим повышением зарплаты» теперь, конечно, будет покончено, но осуществление «организационно-технических мероприятий» от этого едва ли подвинется вперед.

Трудно сказать, много ли среди передовых стахановцев, бывших участников конференций по пересмотру норм выработки, отдают себе отчет в том, какую незавидную роль они сыграли на конференциях. Но что несомненно: многие из них уже неспособны повторить печальный опыт начала 1936 года. Конечно, они еще очень далеки от сознания своеобразной противоречивости развития советского хозяйства. Но под влия-

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т:

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Étoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Étoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журналов от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.

*) См. «С. В.» за 1935 г., № 22, статья «Личное и общественное».

ним своего классового опыта они эмпирически нередко приближаются к правильному пониманию интересов рабочего класса и примитивно, но нередко в основном верно выражают эти интересы. В связи с этим в среде передовых стахановцев явно пробуждается интерес к деятельности профсоюзов, обнаруживающих, кстати сказать, в последнее время признаки некоторого оживления (на этой теме я остановлюсь подробнее в ближайшем номере «С. В.»), пробуждается интерес и к местной общественной работе — по городскому благоустройству, культурному строительству и проч.

Новая конституция даст могучий толчок этому разрыву. В сложившейся сейчас в стране обстановке представители рабочих в разного рода выборные органы бу-

дут вербоваться прежде всего среди передовых стахановцев. Демократическое избирательное право — и прежде всего тайная подача голосов — будет содействовать отбору среди стахановцев более близких рабочим массам людей, будет стимулировать рост их общественной активности, а вместе с тем и их общественного сознания. Конечно, они встретят на новом пути немало трудностей, натолкнутся на острые и сложные конфликты. Многие отступят. Но в этих конфликтах закалятся лучшие, и здесь вырастут кадры нового общественного актива рабочего класса, который составит основной костяк возрожденного широкого и свободно-го русского рабочего движения.

С. Шварц.

ЛИТЕРАТУРА и ЖИЗНЬ

ПРОБЛЕМА НЕЗАМЕТНОГО ЧЕЛОВЕКА.

Хотя официальные руководители советской литературной политики и пытаются изобразить дело так, что Московский-де процесс уже давно миновал, а новая волна террора в стране проходит где-то далеко, не затрагивая писательской общественности, живущей в радостном возбуждении от предстоящего съезда Советов и новой «нигде в мире невиданной» конституции, — действительность мало похожа на этот лубок.

В действительности тревога и оцепенение начинают все шире захватывать писательскую общественность. За многие годы революции эта писательская общественность не раз переживала переломные моменты и кризисы. Но причины этих кризисов прежде были понятны: нужно было только всмотреться в то, что происходит в городе и в деревне. Сейчас внешне как будто действительно ничего не изменилось: веселая и зажиточная жизнь продолжается. Оцепенение возникает и растет от невидимых подземных толчков, как во время землетрясения, порождая то же гнетущее чувство неуверенности во всем.

Это оцепенение настолько сильно сейчас, что даже официальные руководители литературы, с одной стороны со всей строгостью пеняя писателям за невыполненные обещания, с другой — как бы говорят: да что вы так сникли в самом деле! Ну не хотите писать, о пафосе строительства, так и не надо: «сам товарищ Сталин нас предупреждал, что не следует писателя обязывать непременно писать о колхозах и Магнитогорске!» А писатели молчат, и художественные журналы после процесса выходят с сильно урезанной советской тематикой, отыгрываясь на переводных произведениях, на выпретенных стихах об Испании, да на Пушкине. Похоже на то, что не в моготу стало советскому Пегасу: был конь, да изъездился.

Но художественная литература, реагируя на внешние толчки, имеет еще и свою внутреннюю жизнь, вглядываясь в которую только и можно по-настоящему осознать глубокие причины творческого раздумья. Раздумье писателей началось еще до Московских казней. И это было нужное и плодотворное раздумье, возникшее в связи с растущим ощущением провала тематики о знатных людях. «Знатные люди», как известно, были центральной темой всех последних лет генеральной линии. Ей давались путевки в жизнь, под нее отпускаясь щедрые авансы в издательствах, ей заранее обеспечивался успех. «Оседлав» столь богатую тему, писатель казался обеспеченным на всю жизнь. Но не принесли писателю счастья «знатные лю-

ди». Творческие неудачи ряда крупных художников (напомним лишь «Дорогу на Океан» Л. Леонова и «Похищение Европы» К. Федина) заставили наиболее чутких писателей призадуматься. И дело тут было вовсе не в плохих отзывах советской критики. От критиков помельче можно и отругнуться: чья бы корова мычала, а ваша бы молчала. Но «мычать» стала читательская масса. Ее, эту читательскую массу, оставял холодной неизменный оптимизм «знатных людей», их забронированная жизнерадостность. Массы трудящихся смутно ждали иной тематики, в которой трепетала бы простая, теплая и живая жизнь миллионов...

Конфликт между писательской общественностью и читателями стал назревать, выявляясь во время «творческих вечеров» на заводах, где рабочие и служащие сдержанно, но твердо давали понять поэтам и писателям, что они неудовлетворены их произведениями. Так исподволь подготавливался перелом, росло в душе писателей ощущение, что им уже «трудно смотреть в глаза эпохе». Самым знаменательным в этом переломе является однако, не столько отход от тематики «знатных людей», сколько та новая тема, которая исподволь стала оттеснять их с переднего плана произведений. Еще раз ожил древний миф о состязании Голиафа с тщедушным Давидом: «знатных людей» стал оттеснять и затирать... маленький, незаметный советский человек.

Эта новая тема долго, тихо и настойчиво скреблась в дверь советской литературы, пока ее, наконец, впустили. Маленький советский человек успел только робко зайти в дом литературы, он вежливо озирается по сторонам, готов иногда провалиться сквозь землю за то, что на него обратили внимание, но окружающие ободряюще кивают ему, он стоит, переминаясь с ноги на ногу, ждет...

Пафосом незаметного советского человека окрылен последний роман В. Каверина «Исполнение желаний». Это они, эти маленькие, не гонящиеся за славой и почестями люди, которых раньше не замечал талантливый, но тщеславный студент Трубачевский, помогают ему вернуться к жизни и к работе. Незаметные, но хорошие и ценные советские люди — в шумевшем романе Ю. Германа «Наши знакомые» — открывают в милой, но раздавленной всякими личными неудачами и потому совершенно пассивной Антонине ее затаенную мечту стать человеком. Скромные, скупые на слова, люди в нужный момент справляются с ответственными заданиями в пьесе В. Гусева «Слава». За бесхитростных, непричетных советских людей — за квартируполномоченного Птушку, ревностно исполня-

шего свои многочисленные и хлопотливые обязанности по вверенному дому, а в быту безобидного собирателя автографов знаменитых людей, за «незаметных девушек Советского Союза», становящихся «знаменитыми» своей упорной работой — подымает растроганный тог отъезжающий на работу в провинцию «незаметный» журналист Касаткин в пьесе А. Штейна «Талант». От имени «незаметного», ничем не примечательного провинциального коммуниста, слегка напоминающего даже автора записок о происшествиях в городе Гогулеве Л. Леонова, ведется роман-хроника Ив. Макарова «Миша Курбатов», поставившего себе смелую задачу рассказать «правду» о строительстве гигантского комбината. Парторг Хабаров в романе молодого писателя Павла Нилина «Человек идет в гору», «бывалый, образованный человек», даже «получает удовольствие от беседы с неграмотными, да к тому же еще и пьяными шахтерами».

Конечно, было бы ошибкой думать, что все произведения последнего периода целиком переключились на новую тематику. Как во всякой современной литературе, так и в советской можно наблюдать сосуществование самых различных тем. Задача критики — разглядеть и оценить «ведущую» тему. Само по себе появление незаметного советского человека в литературе — факт положительный и отраднй. Но для того, чтобы оценить социально-психологическое значение этого факта, надо пристально взглянуть в биографии этих незаметных людей.

Они вовсе не однородны, эти незаметные люди. Их можно разбить на две большие группы. Первую составляют люди, пришедшие из старого, дореволюционного быта. До недавнего времени советская литература очень много времени и места посвящала отображению процесса примирения с советской властью старой интеллигенции. Сейчас впервые она занялась отображением этого процесса в среде старого городского мещанства. Первые годы революции это старое поколение мещанства отсиживалось от революции и часто было враждебно советскому режиму. Дрогнуло оно во время нэпа; первая пятилетка, однако, вновь ожесточила его. И только последние два года, когда медленно, с великими трудностями жизнь советского обывателя все-же начинает налаживаться, представители этого старого мещанства начинают вылезать из своих закут. Таков конох - тренеровщик, старик Рыбкин, в повести Л. Брандта «Декрет II», таков в идее и повар Вишняков в упомянутом романе Ю. Германа «Наши знакомые».

Родословная этих старых незаметных людей идет издалека, вряд-ли можно ошибиться, ища начало этой родословной в Пушкинских повестях Белкина. Этот литературный адрес заодно воскрешает в памяти и острую полемику, которая велась вокруг этих мирных и тихих «положительных» героев передовой революционной критикой, справедливо видевшей в идеализации этих незаметных людей проявление политической пассивности и усталости Пушкина, известный компромисс его с официальным обществом. Такие «доживающие граждане» несомненно имеются в советской действительности, как несомненно и то, что они умудрились включиться «въ стройку наших дней» со всем своим крепко слаженным, добротным сундучком старых представлений. Советская критика делает из них новое доказательство «успехов «победившего социализма». Но люди типа Рыбкина ни при каком режиме не участвовали в борьбе за лучшее будущее трудящихся, вот почему свидетели они по меньшей мере не очень достоверные.

Вторую, более многочисленную группу составляют «незаметные люди», выросшие уже в советских условиях.

КОМПЛЕКТЫ „СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА“

за 1935 год

В ПЕРЕПЛЕТЕ Цена 100 фр.

Библиотекам и членам групп содействия предоставляется скидка в 25 процентов В небольшом количестве имеются и комплекты за 1932, 1933 и 1934 г.г., по цене 100 фр. за том

По замыслу писателей эти молодые люди не просто кандидаты в «знатные люди страны»: с большой теплотой обрисовывая этих скромных тружеников, довольных порученной им работой и никуда не стремящихся «вылезать», писатели как бы внушают: они то и есть наши настоящие герои! В произведениях, разрабатывающих эту тему, «незаметные люди», как им это и полагается, играют сперва второстепенную роль. Первая выпадает на долю ловких, тщеславных, искусно гримирующихся в защитные цвета эпохи карьеристов и пролаз. Только счастливый случай или легендарное чутье какого-нибудь опытного партийца (что по существу является только разновидностью того-же счастливого случая!) дает возможность этим скромным, незаметным людям выявить свою «преданность стране», обнаружить свой скрытый общественный идеализм.

Радуюсь появлению этих незаметных людей, радуясь торжеству правды этих тружеников над кривдой ловких пройдох и карьеристов, трудно читателю подавить в себе тревогу за своих героев. Сумеют-ли они в живой жизни, а не в произведении, выйти победителями в неравной борьбе? Эту тревогу питает одна черта, свойственная всем «незаметным людям» в изображении писателей: все они отличаются каким-то баснословным миролюбием, приветливостью, уживчивостью. Незаметные люди в произведениях писателей не борются за торжество своей правды, а пассивно ждут, тихо надеясь, что она непременно должна восторжествовать. Счастливой концовкой писатель как бы утверждает и подкрепляет правильность взятой ими жизненной установки. Но кому нужны в живой советской жизни эти милые Иваны Иванычи? Эти пассивные работяги нужны тому привилегированному слою советского общества, которое свое растущее материальное и общественное благополучие маскирует теорией «бесклассового», гармонически развивающегося общества. Классовая борьба в вождениях этого слоя, если еще и существует в стране, то только в виде отдаленных, все затихающих раскатов былой страшной грозы.

Но и при новой тематике советские писатели, оставаясь в рамках благополучно - оптимистического изображения незаметного человека, идут навстречу новым разочарованиям. Трудящиеся массы начинают выходить из пассивного состояния; в них пробуждается стремление к общественной активности. Вот почему читатель из среды трудящихся масс не может удовлетвориться «проповедь малых дел», которую через незаметных людей литература отвечает на их смутные запросы. Убедить этих читателей в своей правде писатель сможет не счастливой концовкой, а лишь мужественным и правдивым изображением действительности со всеми ее противоречиями и показом страны в борьбе за те положительные возможности, которые открылись перед нею в ходе революции. Вот тот единственный наказ, который дается сейчас читательской массой писателям в связи с новой конституцией.

В. Александрова.

Заметки

НЕ КО ДВОРУ...

Приходится, как говорится, «выразить глубочайшее сожаление» придворному виршеплету Демьяну Бедному.

Он-ли не старался? Он-ли не отхватывал лихого трепака на могилах Зиновьева и Каменева, руки которых добызал в эпоху их славы? Он-ли не лягал копытом павшего Троцкого, которому пел гимны в пору его величия? Он-ли не припадал к «подножию ног» божественного вождя? А вот — не потрафил, не понял «духа времени»: его пьеса «Богатыри» постановлением Комитета по делам искусств при Совнарком СССР («Пр.», 14 ноября) снята с репертуара, как «чуждая советскому искусству»...

А дело было задумано именно в интересах «советского искусства»: как пояснил в свое время («Пр.», 24 октября) сам незадачливый виршеплет, он написал пьесу, взамен «той словесной подтекстовки, какая была сделана бездарнейшим Вик. Крыловым», в виде либретто к недавно найденной музыке оперы-фарса Бородина, с целью добиться «культурного успеха» — «создания и утверждения у нас народной комической оперы». О спектакле, опирающемся на народное творчество», мечтал и затеявший постановку «Богатырей» Таиров («Изв.», 26 окт.). Именно в интересах «народности» он обратился за «творческим содействием» к Демьяну, создавшему «совершенно новое произведение, базирующееся не только на народном эпосе, но и на материалах русских летописей», и поехал разysкивать декоратора в с. Палех, где и нашел выразителя «основных традиций нашего народного искусства» в лице художника Баженова. Но на «народности» все и сорвалось.

Ибо оказалось, что стряпня Демьяна является, как — с несколько конфузною для него безграмотностью — выражается Комитет по делам искусств, «попыткой возвеличения разбойников Киевской Руси, как положительный революционный элемент»; что она «чернит богатырей», которые «являются в народном представлении носителями героических черт русского народа»; что, наконец, она «дает антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси». Не только Таиров, которому сам бог простит, но и проницательный виршеплет не учли «момента», не поняли, что по нынешним временам «народность» не может служить темой комической оперы, хотя бы дело и шло о той «лже-народности», которую, по словам Таирова, «с необычайным блеском и остроумием высмеял Бородин в своих Богатырях».

Да, «самодержавие, православие, народность» — эта триединая формула снова поставлена под высокую защиту цензурного комитета при Совнарком, разве что с урезкой ее первой части...

Но точно-ли с урезкой? Не снята-ли пьеса с репертуара не столько потому, что «чернит» богатырей Кагановичей, сколько потому, что замахивается на само «красное солнышко»? Не сам-ли виршеплет признался, что у него «комическая линия выявлена в образе самого заведомо трусливого князя Владимира»? Не он-ли процитировал из старой книги историка Зубрицкого: «мы поклоняемся тебе, святой богоугодниче Владимире, славословим тебя, как крестителя... но богатырем славить тебя нам отнюдь невозможно»? Не он-ли напомнил, что «красному солнышку» недостает «доблестных качеств в характере»? Что-же должен был думать, что должен был чувствовать законопослушный советский зритель, явившийся в Московский Камерный театр, чтобы прикоснуться к «живительным началам

подлинного народного творчества» (Таиров)? На какие крамольные мысли наводил его промахнувшийся виршеплет?

Перестроиться надо, т. Демьян Бедный, стопроцентно перестроиться! Кому-же, как не вамъ, знать, что «красное солнышко» надо славословить без оговорок? Оговорки теперь — не ко двору!

ХЛАМ ИЛИ СТИЛЬ?

«Правда» об органе наркомпросов союзных республик «За коммунистическое просвещение» (статья «Словесный хлам», 4 ноября):

Газета оперирует самым ограниченным количеством слов. Одни и те же выражения повторяются из номера в номер... Слово «отставание» употреблено в той же статье девять раз, слово «отстающие» — три раза... Пренебрежение к языку газеты — худший вид неуважения к читателю, одно из отвратительных проявлений бюрократизма в газетной работе...

«Известия» (7 ноября) о Сталине:

Сталин прям. Он ничего не боится... Ему чужды заботы стилиста, высчитывающего, сколько раз на протяжении страницы повторяются одинаковые слова. Он не боится повторений. Мало того, он ищет их. Они у него на службе. Он, как гвоздем, прибывает к сознанию то, что является формулой поведения на весь ближайший период. И потому, несмотря на повторения, он остается скупым, и потому, пренебрегая стилем, он его выработал — свой, сталинский, стиль...

Так как-же, граждане? В чем повинен орган наркомпросов? В отвратительном проявлении бюрократизма и нагромождении словесного хлама или в почтительном усвоении гвоздильного «стиля» гениального вождя?

И. Греков.

Архив Троцкого и ГПУ

Около двух лет тому назад в Амстердаме был основан «Международный Институт Социальной Истории», — внепартийный научный институт, задачей которого является соби- рание материалов по истории социальных отношений и социальных движений во всем мире преимущественно за последние два столетия и изучение вопросов, с этой историей связанных. Во главе Института в качестве его директора стоит Н. В. Постумус, проф. Амстердамского университета, специалист по истории хозяйственных отношений, известный рядом публикаций в этой области.

Значительные материальные средства, предоставленные ко- оперативным и страховым банком в Гааге, дали Институту возможность развернуть весьма энергичную собирательскую деятельность. За короткое время своего существования Институт создал библиотеку по интересующим его группам вопросов, которая теперь уже превышает 120 тыс. томов, причем в этом числе имеются весьма и весьма редкие издания, иногда уникалы. Очень богат и архив Института, в состав которого поступили частные архивы многих видных деятелей социалистического движения разных стран, писателей, политиков и т. д. СобираТЕЛЬСкая работа и в настоящее время идет полным темпом. Кроме того в последнее время Институт приступил к издательской деятельности и в ближайшие недели выпускает № 1 своего периодического «Бюллетеня Института» и одновременно т. I «Ежегодника Социальной Истории», статьи в которых печатаются на основных европейских языках, — английском, французском, немецком.

В последние месяцы Институт приступил к организации отделения в Париже, и это последнее на-днях полверглось на- бегу грабителей, подобного которому, кажется, еще не было в истории научных учреждений Европы.

В числе других архивов, о приобретении которых Институт вел переговоры, находился архив Л. Троцкого. Часть этого архива, в составе 15 пакетов, была доставлена в парижское отделение Института для предварительного осмотра. Эта часть состояла почти исключительно из собрания различных газет, журналов и листовок, выпущенных всевозможными оппозиционными коммунистическими группками во всех странах мира. Собрание это представляло большую ценность для истории распада Коминтерна. В нем были издания, выходившие в Индии, Канаде, Южной Африке и др. экзотических странах, — издания, второго экземпляра которых нельзя найти ни в

одной из библиотек Европы. Из переписки Троцкого в этой части его архива находилась его деловая переписка с различными издателями и переводчиками и пр., документы не-политического характера, рукописи его напечатанных уже статей и книг и т. д.

В ночь на 7 ноября грабители проникли в помещение отделения, произвели тщательный осмотр хранившихся там разных материалов, но ничего из них не взяли, — за исключением архива Троцкого, который унесен весь целиком, все 15 пакетов. Вся обстановка ограбления показывает, что оно было

тщательно подготовлено и преследовало только одну задачу: похищение архива Троцкого. Грабители не взяли ни ценных вещей, находившихся в помещении Института, ни даже денег, которые лежали на столе в одной из комнат.

При таких обстоятельствах вряд ли можно сомневаться, что авторами этого грабительского набега были не простые взломщики, а агенты ГПУ, совершившие ограбление в расчете найти в архиве Троцкого материалы для нового процесса, подготавливаемого в Москве.

X.

На испанском фронте

Сокрушительные снаряды тяжелых орудий, термитовые зажигательные бомбы несут смерть и разрушение Мадриду. Целые кварталы систематически сносятся с лица земли, сотни убитых и раненых, преимущественно женщин и детей, падают каждый день жертвами цивилизаторской миссии генерала Франко. В грохоте воздушных бомбардировок, в огне не поддающихся тушению пожаров, в предсмертных криках умирающих всплывает новая кровавая страница в историю гражданской войны в Испании.

Еще три недели тому назад победоносно наступавшие войска мятежников льстили себя надеждой, что они смогут взять Мадрид почти без боя. Слабо вооруженные, плохо организованные, необстрелянные, сильные только своим энтузиазмом республиканские войска в открытой полевой войне не могли оказать должного сопротивления опытным, закаленным в боях, профессиональным солдатам армии Франко. Но по мере того, как фронт придвигался к стенам Мадрида, по мере того, как испанские рабочие со своими революционными традициями снова попадали в условия, приближающиеся к баррикадным боям на улицах города, их сопротивление росло, а напор врага, привыкшего к маневренной войне, все ослабевал. Опасность, ставшая для самих широких масс мадридского населения осязательной и реально ощутимой, удесятерила силу республиканской милиции. Были стянуты на подмогу войска из Каталонии и Астурии, была внесена, наконец, благодаря созданию Комитета, обнимающего все без исключения организации и союзы, необходимая централизация в дело обороны, и это усиление внутренней энергии сопротивления совпало, повидимому, с моментом прибытия столь давно и столь тщетно ожидаемого вооружения... Как заявил в своем обращении к народу Ларго Кабальеро, именно в эти дни в распоряжение республиканского правительства поступили, наконец, те танки, аэропланы и пушки, отсутствие которых до сих пор делало невозможным организацию действительной обороны.

В последних числах октября совершился исторический перелом, граничивший почти с чудом: Мадрид, казавшийся мятежникам столь легкой добычей, что его бесславное падение ожидалось ими с часу на час, вдруг оказался мощной крепостью, которую приходится брать ценой огромных жертв пядь за пядью. Сроки, исчислявшиеся днями, растянулись на недели. Республиканская артиллерия, республиканская авиация, республиканская милиция, до сих пор оказывавшие лишь пассивное сопротивление и предоставлявшие инициативу действий нападающим, обнаружили вдруг небывалую активность и перешли местами в победоносное наступление, вырывая стратегическую инициативу из рук противников.

Все военные расчеты мятежников спутались, все их международные планы оказались расстроеными этой неожиданной для них мощью испанской республики. Брать Мадрид при помощи лобовой атаки было для

Франко невозможно: многодневные уличные бои против испанских рабочих с их героической храбростью и привычкой к баррикадным боям должны были бы сопровождаться такими потерями в живой силе, таким количеством жертв, которые Франко не мог себе позволить. Ибо его армия сильна не количеством солдат, не поддержкой народных масс, а лишь превосходством материального вооружения. Потерять половину своих 20.000 наемников значило бы для Франко проиграть войну. И тогда защитник «гуманности и цивилизации против революционного варварства», подкрепленный компетентными советами гитлеровских и муссолиниевских «консультантов», прибег к тому средству, которое одно только обещало ему немедленный успех: к методическому разрушению огнем и мечом одной части города за другой.

В настоящий момент трудно сказать, удастся ли республиканцам отстоять Мадрид против противника, неизмеримо превосходящего их именно в области тяжелой артиллерии и технической организации. Возможно, что перелом, о котором мы выше говорили, произошел слишком поздно, чтобы еще спасти Мадрид. Но, как уже неоднократно заявляли вожди испанской республики и как ясно из объективной оценки сил, потеря Мадрида отнюдь еще не предрешает исхода борьбы. Укрепившаяся в юго-восточной части Пиренейского полуострова, в самых густо населенных, плодородных и промышленленных областях, переорганизовавшаяся в военнотехническом и политическом отношении, испанская революция, как это показал опыт Мадрида, в состоянии будет развернуть неожиданную силу сопротивления. В сочувствии самых широких слоев рабочих и крестьян она найдет в себе достаточно мощи, чтобы перетянуть весь исторический процесс на свою сторону и добиться окончательной победы.

Но, как правильно заметил в своей женевской речи тов. Дель-Вайо, министр иностранных дел республиканского правительства, то, что сейчас происходит в Испании, является не только гражданской войной внутри одного народа, а генеральной репетицией, вернее авангардными боями будущей мировой войны. Под Наваль-Карнеро и Ильеской столкнулись, если верить сообщениям печати, итальянские танки с советскими. Над Хетафе и Эскуриалом трехмоторные Юнкерсы и итальянские Капрони вели воздушные бои с французскими Потезами и советскими самолетами новейшей конструкции. Немецкая эскадрилья под командой заместителя пилота Физелера состязалась, — если правдивы опять-таки сообщения парижского «Суар», — со столь же автономно организованной эскадрилей первоклассных советских летчиков. На мадридском фронте немецкие противотанковые пушки, обслуживаемые немцами артиллеристами, были впервые испытаны в действительном бою против настоящих танков советского или иного производства.

Но не только происхождение технических орудий определяет международный характер испанских собы-

ЗАГРАНИЧНАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ Р. С. Д. Р. П. РЕКОМЕНДУЕТ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ И СОЧУВСТВУЮЩИМ ПРИОБРЕТАТЬ И ВЫПИСЫВАТЬ ВСЕ ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ И КНИГИ ЧЕРЕЗ КНИЖНО-ГАЗЕТНОЕ БЮРО ПРИ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ВЕСТНИКЕ».

БЮРО ВЫПОЛНЯЕТ ВСЕ ЗАКАЗЫ ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЬСТВ.

тий. В гораздо большей степени это определяется тем узлом международных интересов и конфликтов, который завязывается сейчас на полях сражения в Испании.

Еще до того, как Мадрид взят, германское и итальянское правительство поторопились признать Бургосское правительство мятежников законным правительством Испании. Опираясь на это признание, Франко прокламировал блокаду Барселоны — этого будущего центра республиканского сопротивления, и послал грозное предупреждение всем державам. Британское правительство, задетое в своем морском всемогуществе, ответило отказом признать эту блокаду. С ним, надо надеяться, солидаризируется и правительство Народного Фронта во Франции. Но найдется в Европе немало правительств, как Венгрия, Австрия, Португалия и др., которые последуют примеру фашистских правительств. Европа разделится на два лагеря*). Существование «Комитета невмешательства» в Лондоне в еще большей степени превратится в пустую фикцию, чем это было до сих пор. Международное положение обострится до крайности. «Осведомленная» правая печать предсказывает, что фашистские правительства удесятерят ту мощь оружием, деньгами и людьми, которую они окликают Франко взамен за те территориальные и иные обязательства, которые он на себя взял, — что они не остановятся и перед угрозой международной войны, если другие державы попытаются помешать реализации их очень далеко идущих планов. Испугается ли европейская демократия этих угроз, отступят ли, в частности, Франция или Англия перед этим фашистским шантажем? Не покажет ли ближайшее будущее всю бесцельность, — уж оставляя в стороне все другие соображения, — политики невмешательства в той форме, как она проводилась до сих пор? Не обнаружится ли, что эта политика была бесполезна, поскольку фашистский блок все равно решил поставить на своем и развязать мировую войну, или же просто ненужной и потому ошибочной, в случае, если фашистские державы все равно на войну не решаясь и ею лишь пугали с целью вымогательства?

Если верны газетные сведения о той усиленной помощи, которую Советская Россия оказывает Испанской республике, то этот шаг рабочий класс всего мира должен приветствовать, каковы бы ни были те соображения, которыми руководилось при этом советское правительство. И надо лишь пожелать, чтобы французская демократия в согласии с английским рабочим классом смогла добиться аналогичного изменения политики Англии и Франции. Ибо для европейского социализма, для рабочего класса всего мира не может быть нейтралитета в борьбе между фашизмом и революцией, между войной и миром, ибо сокрушительное поражение фашистской реакции в Испании явилось бы теперь наилучшей и, может быть, единственной гарантией сохранения мира в Европе.

Р. Абрамович.

*) К этому в мировом масштабе, прибавится тройственный союз Италия-Германия-Япония, который сейчас как-будто становится реальностью.

ЗАГРАНИЦЕЙ

ПРАВИТЕЛЬСТВО БЛЮМА НА НОВОМ ЭТАПЕ.

«Медовый месяц» правительства Блюма прошел. Каждый новый месяц его существования создает на его пути все новые осложнения и затруднения.

На биаррицком конгрессе радикал - социалистов временно нашла свое завершение все крепнущая оппозиция справа, из рядов буржуазии и средних классов.

Промышленники и капиталисты, испугавшиеся в июне гигантской волны рабочего движения, чувствовавшие себя в тот момент наивысшей «мистики» Народного Фронта неспособными оказать сопротивление даже самым радикальным мероприятиям правительства, постепенно оправившись от своего испуга и все более систематически и упорно организуют борьбу против правительства Леона Блюма, в частности против социальных законов, принятых в июне. Стремясь подорвать положение этого правительства, промышленники, финансисты, крупные торговцы и их организации прибегают к прямому экономическому саботажу: в разрез даже со своими непосредственными экономическими интересами они политикой неумеренного повышения цен, отказом расширить производство до пределов все возрастающего спроса и прямой провокацией рабочих пытаются сорвать то экономическое оживление, симптомы которого во Франции ярко обозначились. Как правильно заметил Леон Блюм в своей речи на Национальном Совете партии 8-го ноября, капиталисты, под влиянием классовой ненависти, в состоянии временно пожертвовать даже тем, что, казалось бы, составляет неотъемлемую классовую сущность капитализма: прибыль!

Но Народный Фронт во Франции никогда и не пытался опереться на крупно-капиталистические круги и наоборот, всегда считался с неизбежностью борьбы против них. Гораздо более жизненное и политическое значение имеет для него позиция так наз., «средних классов». Городское мещанство и широкие массы крестьянства, политически представленные преимущественно радикал - социалистами, встретили правительство Блюма, если и не с таким энтузиазмом, как рабочие массы, то во всяком случае с огромной симпатией и большими надеждами. Но относительная медленность экономического оживления, стоявшая в противоречии к тем иллюзиям, которые господствовали в умах французского мещанства, несколько разочаровала средние классы и умерила их прежние восторги. С другой стороны, бурный подъем рабочего движения и та особая форма — оккупация фабрик, — в которой это движение проявилось, разбудили в собственных душах французских крестьян и мещан некоторую социальную тревогу. Оккупация предприятий, кое-где принявшая форму «оккупации ферм» сельское - хозяйственными рабочими, стала своего рода символом грядущей социальной революции. И хотя французский пролетариат всем своим поведением доказал, что ни о какой социальной революции он в данный момент не помышляет, и хотя объединенные профсоюзы, включающие и коммунистов, прилагают все усилия, чтобы ввести стихийную волну рабочего движения в рамки организованных коллективных договоров, не стоящих в принципиальном противоречии к системе капитализма, — тем не менее «символический жест» оккупации фабрик продолжает раздражать и нервировать самые широкие слои французской буржуазии, вплоть до средней и мелкой. Это пробуждение классового инстинкта послужило благоприятной почвой для той «антикоммунистической волны», которая сейчас, под влиянием фашистской пропаганды и политики Сталина, широкой волной разлилась по всей Европе.

Реакция сделала величайшее напряжение, чтобы нарастающее недовольство средних классов направить на подрыв правительства Блюма, чтобы вбить клин между радикал-социалистами и другими составными частями Народного Фронта. По ее замыслу биаррицкий конгресс должен был поставить Блюма перед необходимостью сделать выбор между коммунистами и радикал - социалистами. И в том и в другом случае распад Народного Фронта, а следовательно, и падение правительства Блюма, являлось неизбежным.

При этом реакция усиленно оперировала тем аргументом, что тактика большевиков, а следовательно и французских коммунистов направлена на развязывание «превентивной войны», и что Францию хотят втянуть в войну с Германией и Италией. Аргумент этот, встречаясь с необычайным отвращением французских народных масс ко всякой мысли о возможности войны, несомненно оказал известное влияние на общественное настроение: анти-коммунистическая волна сливается с анти-военным психозом, как это ни покажется парадоксальным перед фактом образования фашистского блока (Германия, Италия, Япония), подготавливающего войну под прикрытием крестового похода против коммунизма.

К счастью, расчеты реакции оказались ошибочными. Интрига, с большим искусством инсценированная на биарриц-

ском съезде провалилась, и конгресс в общем укрепил положение правительства Блюма. Радикал - социалисты, располагающие в Палате в лучшем случае 110 голосами, убедились, что в случае разрыва Народного Фронта им придется стать пленниками самой откровенной и оголтелой реакции. Но этой перспективой, которая означала бы политическую смерть радикал-социализма, вожди радикал-социалистов испугались. Не улыбалась им и другая перспектива, та, о которой говорили и Шотан и Даллады и другие авторитетные вожди партии: новые выборы в случае распада Народного Фронта. В результате радикал - социалистам не осталось ничего другого, как сохранение статус-кво, т. е. оставление у власти правительства Народного Фронта, для которого сейчас еще нет замены.

Но в тот момент, когда улеглись волны радикал-социалистического недовольства, правительство Блюма подверглось нападению слева, со стороны коммунистической партии. 30-го октября генеральный секретарь французской компартии Морис Торез произнес на собрании 2.500 коммунистических активистов большую речь, целиком посвященную открытой и довольно резкой критике всей деятельности правительства Народного Фронта. Сопоставляя пункт за пунктом программу Народного Фронта, сформулированную на майских выборах, с теми фактическими достижениями, которые были реализованы за истекшие пять месяцев, Торез приходил к заключению, что правительство Блюма слишком малого добилось и слишком много уступало и капитулировало перед союзниками и врагами справа. Это выступление, вызвавшее новый взрыв надежд и ликований в среде реакции, уже предвкусившей взрыв Народного Фронта изнутри, вызвал в левой общественности Франции всеобщее недоумение и смущение, а в рядах социалистических рабочих прямое возмущение подобного рода ударом в спину.

Правда, и в своей речи от 30 октября и в последующих комментариях, Торез и другие вожди коммунистической партии усиленно подчеркивали свою верность Народному Фронту и свою готовность «безоговорочно» поддерживать его и впредь. Но тем большее недоумение вызывали и резкость нападения и момент, выбранный для этого выступления. Нельзя одновременно «безоговорочно» поддерживать правительство Блюма и разрушать ту моральную базу в рабочем классе, которая одна только и составляет его действительную силу. Нельзя в парламенте своими голосами проводить определенные мероприятия, которые, следовательно, при данном соотношении сил и по оценке самих коммунистов являются единственно осуществимыми, и в то же самое время потом перед тысячами рабочих публично бичевать Леона Блюма за проведение этих мер, как «недостаточных». В среде французских социалистов и даже в более широких кругах левой общественности эта двойная игра коммунистов вызвала много толков.

Нетрудно, однако, уяснить себе причины, которые толкают французских коммунистов к этой тактике. Крутой поворот в общей политике мирового коммунизма, ознаменовавшийся переходом от теории «социал-фашизма» к теории и практике «единого фронта»; от антимилицаризма и активного саботажа военной обороны к всемерному поддержанию «национальных интересов» Франции и активному содействию боеспособности армии; от немедленной социальной революции к теории и практике коалиции с буржуазными партиями на почве реформирования капиталистического строя, — весь этот исторический поворот вызывал во Франции все возрастающую оппозицию слева в рядах самого коммунистического движения. Все, что до сих пор в глазах широких масс отличало коммунизм от демократического социализма, стало ступеньваться в общественном мнении рабочих. Исторически сложившаяся и окрепшая в борьбе с демократическим социализмом, как самая левая и революционная из всех политических партий, французская компартия почувствовала настоятельную потребность «реабилитировать» себя перед нарастающей слева революционной оппозицией, все больше попадающей в фарватер трокистских и аналогичных лево-оппозиционных настроений*). Но, с другой сторо-

*) Значительную роль тут сыграло и настроение самых широких рабочих масс Франции, во всяком случае Парижа, в вопросе об испанских событиях. Массы эти стихийно и страстно отвергают политику «невмешательства», воспринятую правительством Народного Фронта по соображениям, о которых мы в свое время уже писали. Блюм и с ним большинство соц. партии, став на этот путь, считают своим долгом нести за него полную ответственность, не смотря на его непопулярность. Коммунисты, в свое время присоединившиеся к тактике невмешательства, которую поддержало и скрупулезно проводило (по крайней мере до середины октября) и советское правительство, не желают однако сейчас идти вразрез с настроениями масс и ставить на карту свою популярность.

ны, и по внешне-политическим соображениям Советского Союза и по своим собственным «национальным» интересам, французская компартия и помышлять не смеет о нанесении сколько-нибудь серьезного ущерба делу Народного Фронта и престижу правительства Блюма: она отлично знает, что при данном соотношении сил на смену правительству Блюма может прийти либо откровенный фашизм, либо полуприкрытая переходная форма к нему.

В результате сочетания этих двух противоречивых тенденций и получилась тактика Тореза, вызвавшая столько недоумений и нареканий среди французского социализма.

На Национальном Совете французской соц. партии «двуединая» тактика коммунистов подверглась очень обстоятельному критическому разбору. Государственный разум и политический смысл вождей французских социалистов взяли верх над тем естественным раздражением, которое тактика коммунистов вызывает в самых широких слоях французских социалистических рабочих**).

Французские социалисты решили не отвечать Торезу, ограничившись той блестящей репликой, которую Леон Блюм дал в своей большой речи, и не реагировать на выступление Тореза объявлением «войны». Народный фронт может быть взорван рад.-социалистами, он может быть разрушен коммунистами, но он никогда не будет разорван социалистической партией. В этой формуле Леона Блюма ярко и недвусмысленно была сформулирована позиция социалистической партии.

В результате, правительство Блюма, несмотря на обострение борьбы справа и увеличения внутренних трений, остается прочным. Его парламентская база не сузится, ибо элементу, его поддерживавшие до сих пор, будут давать эту поддержку и впредь, может быть, не столько по внутреннему влечению, сколько «по расчету», за отсутствием другого возможного большинства в данной палате. Что же касается массовой опоры правительства Народного Фронта, то ее укрепление, расширение и сплочение зависит всецело от того, насколько правительству решительной и смелой тактикой удастся обеспечить проведение в жизнь тех внутренних реформ, которые значатся в его программе, и может быть, еще в большей степени от того, удастся ли Блюму в области международной политики подвинуть Англию на создание, вместе с Советским Союзом, блока держав, готовых решительно и непоколебимо защищать дело мира против войны, подготовляемой «священным союзом» фашистских стран.

Трагическая кончина Салангро, бесстыдно и бессовестно затравленного на смерть объединенной реакцией, уже всколыхнула французские массы. С новой силой вспыхнул гнев против гнусных клеветников и моральных убийц, ожидающих только случая, чтобы от морального террора перейти к физическому. Новая волна демонстраций и массовых движений пронесется над Францией. Пробуждение массовой активности усилит сопротивление промкам фашизма и послужит, надо надеяться, фактором нового сплочения сил Народного Фронта.

Р. А.

РАСКОЛ В АМЕРИКАНСКОМ ПРОФДВИЖЕНИИ.

В Американской Федерации Труда назревает серьезный раскол. 5-го сентября постановлением Исполкома были исключены из АФТ 10 профсоюзов, насчитывающих в общей сложности более миллиона членов, т. е. около трети всех членов АФТ. Во главе исключенных стоит Союз Угледобывающий до сих пор по числу своих членов — 400.000 — первое место во всей АФТ. (На последнем конгрессе в ноябре 1935 г. на этот союз пришлось 1/7 всех голосов, между тем как на остальные 109 союзов пришлось 6/7). Затем идут Интернациональный Союз Дамских Портных, Объединенный Союз Мужских Портных (так наз. Амалгамейтед), Интернациональный Союз Типографских Рабочих, Объединенный Союз Шапочников, Объединенная Ассоциация Железнодорожников и Сталелитейных Рабочих и др. (К ним впоследствии присоединились еще союзы радио-рабочих, стекольщиков, автомобильных рабочих, разнощиков, текстилей).

Спор разгорелся из-за принципов организации, — по поводу судеб тот же спор, вокруг которого кипели страсти и раскалялось американское профессиональное движение ровно полвека тому назад, в эпоху образования нынешней АФТ (1886) и ее борьбы против «Рыцарей Труда».

АФТ состоит из союзов высококвалифицированных рабо-

*) На Национальном Совете много говорилось и о специфической тактике коммунистов в объединенных профсоюзах, планомерно направленной на «снятие с постов» профсоюзных деятелей социалистов и замену их верными сторонниками компартии.

чих, так наз. рабочей «аристократии», куда доступ зачастую затруднен высокими взносами. Вообще подавляющее большинство союзов, входящих в АФТ, рассчитано на обученных рабочих. Структура этих союзов, как и всей АФТ, соответствует промышленным условиям в период ее возникновения, в 80-х годах прошлого века, когда еще и помину не было о современной крупной промышленности с ее далеко идущим разделением труда и массами полу-обученных или совсем необученных рабочих.

АФТ предоставляет каждому профсоюзу **исключительное право** (хартию) на организацию определенной группы рабочих, принадлежащих к одной и той же или к сходным категориям обученного труда. Но так как функции последнего в современной промышленности весьма разнообразны и скрещиваются, то между многими союзами АФТ происходит постоянная и упорная борьба за их «юрисдикцию» по отношению к тем или иным категориям рабочих. Эта борьба совершенно цехового характера доходит до того, что, как докладывалось на последнем конгрессе, в предприятиях, где союзы добились найма только организованных рабочих, бывали случаи, когда последние не могли приступить к работе, в виду того, что на этих самых рабочих претендовало несколько союзов. Пока этот спор о «подведомственности» разбирался, рабочие оставались «ничьими». Этому методу организации противопоставляется организация рабочих по **отраслям промышленности** (так наз. «индустриальные союзы») причем в одном союзе объединены различные «цехи и даже профессии.

Ссылаясь на тот факт, что АФТ вследствие своей устаревшей организационной структуры не сумела даже в наиболее благоприятные для нее периоды организовать более 10% всех американских рабочих, — сторонники индустриальных союзов на последнем конгрессе в ноябре прошлого года внесли резолюцию, требовавшую создания индустриальных союзов **только** в тех отраслях крупной промышленности, где союзы, построенные по ремесленному, цеховому принципу (craft unions) обнаружили полную неспособность организовывать широкие массы рабочих. Речь шла о железячельной промышленности, где из 500.000 занятых рабочих организовано только 10.000, об автомобильной промышленности, где из 500.000 рабочих организовано лишь 35.000, о резиновой и о радио-промышленности, которые могут быть успешно организованы лишь по принципу индустриальных союзов. Сторонники последних при этом подчеркивали, что речь идет не об исключительном применении этого организационного принципа, а лишь о **целесообразном** его применении и что они совсем не намереваются распространять его на те области труда, где цеховые союзы оказались успешными.

«Дайте нам возможность организовать те десятки миллионов рабочих, которых вы не смогли организовать», требовали на съезде делегаты, приводя весьма убедительные факты и аргументы. Особенно характерна была повесть представителей рабочих радио-промышленности. Ни один из существующих craft unions их не организовывал, полагая, что они «слишком плохо оплачиваемы, чтобы платить высокие взносы». Рабочие эти начали сами организовываться в местные союзы, так наз. «федераль локальс», непосредственно подведомственные АФТ. Они начали успешно функционировать, добившись, напр., в Филадельфии значительного роста заработной платы. Тогда на сцену выступили «крафт юнионс», как, напр. союз машинистов, союз электриков и начали предъявлять свои права на те или иные группы рабочих. Это «распыление» членов по разным союзам, заключающим коллективные договоры в разные сроки, привело к тому, что когда одна часть рабочих в том же предприятии бастовала, другая продолжала работать, оказываясь невольной в роли штрейкбрехеров.

Далее, радио-рабочие жаловались на то, что союз электриков, который присвоил себе юрисдикцию над ними, превратил их в «членов второго класса», предоставляя на конгрессах целому **отделу** радио-рабочих лишь один голос, между тем как в отделах электриков **каждый член** пользуется правом голоса. Протест против этого неравенства один из делегатов профсоюзного конгресса выразил весьма образно в следующих выражениях:

«Нынешние чиновники Братства Рабочих Электриков претендуют на то, что еще до того, как радио было изобретено, и до того, как большинство рабочих, занятых в радио-промышленности, увидело свет, было решено, что мы должны стать их подданными. Мы надеемся, что конгресс АФТ откажется признать их божественное право управлять нами. Эта небывалая политика, поддерживаемая Исполнительным Комитетом АФТ, рискует превратить самое Федерацию в феодальную вотчину, где меньшинство обученных рабочих, голосуя за своих подданных второго сорта, не считалось бы с желаниями большинства».

Эта и подобные речи по своему пафосу борьбы за равно-

правие, за право рабочих масс организовываться так, как они сами считают наиболее целесообразным, скорее напоминали речи представителей «третьего сословия» в генеральных штатах до французской революции, нежели делегатские речи на профсоюзном конгрессе в XX веке.

Ссылаясь на ту устойчивость, которую АФТ проявила в борьбе с предшествовавшими оппозиционными группами, которые бесследно исчезли, и на свой 40-летний или 30-летний стаж, ораторы большинства предсказывали «новаторам» судьбу их предшественников. Поражала при этом и искренняя уверенность некоторых вождей в том, что организационные принципы, оправдавшие себя в прошлом, должны остаться неизменными, вопреки глубоко изменившимся условиям.

Оппозицию эти аргументы не удовлетворили. Она настаивала на переходе к новым методам организации и внесла резолюцию, согласно которой АФТ разрешает обученным рабочим в стальной, автомобильной, резиновой и радио-промышленности вступать в соответствующие **индустриальные союзы**. Сторонники этой резолюции приводили убедительные факты, что распыление рабочих подобных предприятий по **разным** союзам до сих пор препятствовало массовой организации. Они далее указывали на то, что предприниматели успешно заманивают рабочих в многочисленные желтые союзы ссылок на то, что в последних все рабочие входят в один «союз», тогда как, входя в Ам. Фед. Труда, они превращаются в спорные объекты разных союзов.

Противники этой резолюции настаивали на традиционном праве профсоюзов квалифицированных рабочих на членство последних, где бы они ни работали.

За эту резолюцию на конгрессе было подано 40% голосов, т. е. 2/5 общего числа членов федерации отстаивали ее. Победила резолюция большинства, подтвердившая традиционные устои и структуру.

Исходя из принципиальных положений и толкаемые прежде всего практическими соображениями, организации профсоюзов, перечисленные выше, руководимые более молодыми деятелями, как Джон Луис, председатель Союза Углекопов, Сидней Гильман, председатель Амалгамейтед, Давид Дубинский, председатель «Интернешонал» (Дамских Портных), Макс Зарицкий, председатель Союза Шапочников, Гоуард, вождь Типографщиков и др., образовали немедленно после ноябрьского съезда АФТ «Комитет для Индустриальной Организации» Committee for Industrial Organization или коротко «Си-Ай-О», поставившей себе в первую очередь задачу организации рабочих железячельной и стальной промышленности, резиновой индустрии и радио.

Но первые же шаги нового Комитета натолкнулись на вопрос о «подведомственности». Старые цеховые союзы усмотрели в деятельности новых союзов, организуемых Комитетом, попытку образования параллельных союзов из рабочих, находящихся под их «компетентией». Такого рода параллелизм организации является прямым нарушением устава АФТ, гарантирующего каждому входящему в него союзу **монополию** работы среди «его» рабочих. Кроме того, по этому вопросу на ноябрьском съезде 1935 года была ведь принята специальная резолюция, не разрешавшая организации новых индустр. союзов. В виду этого «виновные» в нарушении дисциплины союзы были привлечены к ответу и получили приглашение явиться для дачи объяснений на заседание Исполкома АФТ 5-го августа, с предупреждением, что те союзы, которые в течение месяца, т. е. до 5 сент., не порвут связи с Комитетом Индустр. Орг., будут исключены из АФТ. Формально - юридически Исполком был в своем праве. Но фактически и политически положение было ясно: профсоюзные бюрократы из Исполкома АФТ хотели таким путем в самом зародыше подавить попытку создания новых союзов, построенных по иному принципу. Джон Луис и его товарищи отказались явиться на заседание, и представляемые ими союзы оказались после 5 сент. вне АФТ, со всеми вытекающими последствиями, т. е. с угрозой отнятия у них их «чартера». Формально этот вопрос должен был решиться окончательно на очередном конгрессе АФТ, который собирается в г. Тампа (Флорида) 16-го ноября с. г.

Создалась любопытная ситуация. С одной стороны, могущественнейший стальной трест с изрядным капиталом в **пять миллиардов** долл., всполохившись в виду организационной кампании вышеуказанного Комитета, ассигновал 500 тысяч долл. для пространного объяснения в 375 газетах о том, что трест не допустит, чтоб организаторы Комитета, эти «посторонние люди», нарушали покой его рабочих, чрезвычайно довольных своими «Компани Юнион» (желтые союзы). В то же самое время Исполком Амер. Федер. Труда требовал роспуска «Комитета» с вышеуказанной мотивировкой. Как уже указано, Союзы, учредившие последний, игнорировали это требование и совместно ассигновали крупную сумму на организацию рабочих стальной промышленности. Руководящую роль при этом играл Джон Луис, председатель союза углекопов. Последний, весьма пострадавший за

годы депрессии, энергично использовал знаменитый «Отдел 7-а», в котором Рузвельт узаконил коллективные договоры. Союз углекопов значительно вырос и добился повышения заработной платы, но углекопы, занятые в предприятиях Стального треста, применяющего чудовищные средства борьбы против проникновения профсоюзов, получают значительно меньшую заработную плату. Союз углекопов поэтому кровно заинтересован в организации рабочих Стального треста, который занимает первое место по высоте дивидендов и последнее место по уровню заработной платы по сравнению с другими отраслями тяжелой промышленности.

Слушая рассказы рабочих, занятых в всецело подведомственных предпринимателям «стальных городах» в окрестностях Питсбурга, не веришь своим ушам. Армия шпионов и наемных полицейских, печать, школы, церкви и суды и весь административный аппарат к услугам индустриальных феодалов в их «стальных» и «угольных» городах для борьбы с профсоюзной крамолой. В этих вотчинах часто невозможно снять помещение для профсоюзного собрания. Нередко ораторов, приезжающих сюда из других мест, арестовывали накануне митинга и выслали, предварительно избив их.

В этих условиях и в этой цитадели крупной капитала, являющейся угрозой для организованных рабочих в других отраслях промышленности, «Комитет для организации индустриальных союзов» начал вербовку членов в профсоюз «рабочих железной и стальной промышленности», входящих в Америк. Фед. Труда.

Руководитель этой кампании, Джон Луис, пустил в ход самых отличных организаторов союза углекопов и весьма умело добился поддержки нейтральной печати. Его имя заpestрело в газетах наряду с сочувственными комментариями в пользу рабочих, закабаленных Стальным трестом.

В разгар этой организационной кампании Исполком АФТ принял свои дисциплинарные меры против «Комитета» и участвующих в нем союзов.

Можно представить себе, как остро разгорелась борьба в движении. Бурные дебаты на профсоюзной конференции штата Нью-Йорк, состоявшейся на днях, показали это с особенной яркостью. Даже те, кто считают, что 10 исключенных союзов нарушили дисциплину, протестуют против их исключения за 2 месяца перед предстоящим очередным конгрессом АФТ. Особенно протестуют против этого сами исключенные союзы, заявляя, что Исполком Федерации нарушил инструкцию, согласно которой союзы могут быть исключенными лишь постановлением конгресса и лишь 2/3 голосов. Руководители инкриминируемого «Комитета» заявили, что они готовы держать ответ перед конгрессом и подчиниться его решению. По их мнению Исполком поторопился исключить эти 10 союзов, дабы этим лишить их права участвовать на предстоящем в октябре общесоюзном конгрессе, опасаясь, что сторонники индустриальных союзов, собравшие на предыдущем конгрессе 40% голосов, могут собрать еще больше на предстоящем конгрессе, благодаря той организационной кампании, которую ведет оспариваемый «Комитет».

Тот факт, что в лоне рабочих организаций формируются такие явно реакционные типы, как председатель союза крупно строительных рабочих, Nucheson, вербующий сейчас вместе с Херстом голоса рабочих в пользу республиканского кандидата в президенты, Ландона, явно свидетельствует о том, что и механизм рабочей демократии далеко не функционирует соответственно своему назначению.

В этом отношении можно услышать немало пикантных деталей о том, как Джон Луис, возглавляющий комитет в пользу индустриальных союзов и рьяно протестующий против расправы Исполкома с меньшинством, диктаторски расправлялся с оппозицией в управляемом им союзе углекопов. Диктаторские замашки каким-то образом прививаются в рабочих организациях, независимо от их более консервативного или более прогрессивного характера. Отвлекаясь от наблюдаемой в обоих лагерях личной «борьбы за власть», нужно сказать, что основная причина распада АФТ коренится в следующих трех печальных фактах: 1) в консерватизме, который весьма прочно укрепился в недрах рабочего движения; 2) в групповых интересах, обнаруживающих серьезную тенденцию преобладания над обще-рабочими интересами; 3) в чисто-формальном применении принципов демократии, которое и в рабочих организациях, как и в государственном аппарате, может сделать невозможной основную функцию демократии, а именно, быстрое приспособление к меняющимся условиям жизни и интересам масс.

Ю. Грин.

Понимая всю губительность раскола профдвижения в такой момент, многие видные деятели профдвижения в особенности Зарицкий предприняли героические усилия для примирения враждующих сторон. Под их влиянием Исполком АФТ

выбрал комиссию трех для ведения мирных переговоров с Комитетом. Однако последний на своем заседании 7-го ноября Питсбурге отказался, судя по газетным телеграммам, назначить со своей стороны подкомиссию для переговоров с АФТ. В телеграмме, отправленной секретарем Комитета Чарлзом Гоуардом Вильяму Грину, председателю АФТ, указывается, что метод комиссионных переговоров представляется Комитету на основании всего предыдущего опыта нецелесообразным, и что единственно приемлемой формой переговоров является прямая встреча Грина с Луисом, — этой, прибавим мы, центральной фигурой всего «индустриального» движения.

В момент, когда пишется эта статья, дальнейшее развитие событий еще нельзя предсказать. Съезд АФТ в Тампе найдет, хотим мы надеяться, путь для избежания того раскола, который и с точки зрения американской, и с точки зрения интересов международного рабочего движения может иметь самые губительные последствия.

Ред.

ПОЛИТИКА ПОЛЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

7-8 ноября состоялась в Варшаве сессия Верховного Совета ППС. Решения его вызвали огромный интерес во всем политическом мире Польши.

Еще весной 1936 года партия держалась мнения, что между нею и коммунистами возможно установление более или менее дружественных взаимоотношений на основе двустороннего «пакта о ненападении». Тогдашнее постановление партийного Верховного Совета в этом смысле дало премьер-министру, генералу Складковскому повод выступить в преданном военной диктатуре якобы-парламенте с резкими нападениями на ППС и заявить, что правительство не только не будет отныне считаться с ППС, но будет самым решительным образом бороться с нею за то, что она сочла возможным вступить в переговоры с непримиримыми «врагами государства и культуры». Чтобы понять эту чувствительность, надо иметь в виду, что военная диктатура, а вместе с нею оппозиционная национал-социалистическая правая и духовенство выставили лозунг: коммунизм — вот враг! Все должно быть подчинено борьбе против него! Иначе говоря, — поравнение польской политики под гитлеровскую и такие же попытки травлей отклонить внимание от бедственного внутреннего положения, от нужды масс, оглушить эти массы и прикрыть истинное лицо фашистского классового режима.

Но, как ни осуждает ППС организуемую реакцией травлю коммунистов, травля эта не могла помешать Верховному Совету по собственному почину еще раз поставить перед собою вопрос о совместной работе с коммунистами и поставить этой работе весьма узкие пределы. Соответствующее постановление гласит:

«Отношение коммунистов к так называемому «Народному Фронту» и, особенно, к социалистическим партиям осталось попрежнему неискренним и даже враждебным. Коммунисты все еще пускают в ход старые маневры и непрерывно подкапываются под социалистические и профессиональные организации. При таких условиях лозунг единого фронта — выставяемый поповсюду, кроме России, где для социалистов и коммунистической оппозиции имеются лишь преследования, тюрьма и массовые убийства — должен рассматриваться, как пустая фраза, за которую скрывается намерение разложить социалистическое движение с тем, чтобы затем подчинить его команде коммунистов. ППС, исконно стоящая на точке зрения действительного единства рабочего класса, единства его политического и профессионального движения, отвергает поэтому лозунг единого фронта. Верная своим принципам, партия будет работать над объединением рабочего класса в рамках ППС и классовых профессиональных организаций против коммунистов».

Это постановление является резкою отповедью коммунистам и даже объявлением войны им. Что-же побудило ППС так резко порвать с коммунистами в тех, для обеих партий в высшей степени опасных условиях, которые со дня на день все очевиднее создаются в фашистской Польше? Первым толчком послужил Московский процесс против Зиновьева, Каменева и их сотоварищей. Расстрел этих бывших вождей Третьего Интернационала и предшествовавший ему процесс вызвали в партии, как и в большинстве рабочего класса глубокое отвращение и даже возмущение. Вторым фактором можно считать поведение французских коммунистов по отношению к правительству Блюма. Члены социалистической партии внимательно следят за походом Тореза и его товарищей против Блюма и решительно осуждают этот поход. В-третьих, польские товарищи были в высшей степени восстановлены против Третьего Интернационала тою бранью,

которую коммунисты осыпали товарищей Де-Брукера и Адлера за их известную московскую телеграмму. Оба эти товарища пользуются большой популярностью в польской партии. Таковы факты, поколебавшие и подорвавшие веру польских товарищей в плодотворность единого фронта и в лояльность предполагаемого коммунистического партнера*).

Вторым постановлением Верховного Совета партии, возбуждавшим всеобщее внимание, было следующее:

«Партийный Совет отдает себе вполне ясный отчет в том, что надвигающаяся угроза неожиданной вспышки войны создает для Польши вполне реальную опасность превращения в жертву вражеского нашествия и потери независимости. Для обеспечения свободы польского народа Верховный Совет считает настоятельно необходимым принятие таких мер обороны, которые дали бы стране возможность во всякое время отвратить грозящую ей опасность».

Чтобы не оставалось никаких сомнений насчет того, кого именно ППС считает опасностью и врагом польской свободы, в другом абзаце определенно подчеркивается, что

«вооружения и военные приготовления Гитлеровской Германией непосредственно угрожают целостности и независимости Польши».

За все время своего существования ППС впервые становится на точку зрения национальной обороны. Мотивируется это тем, что

«надежды на мирные уступки фашистских государств потерпели полное банкротство».

Ближайшее будущее покажет, насколько оправдан такой пессимизм. В Польше точка зрения ППС разделяется огромным большинством населения. Не Бэк, любимец германских национал-социалистов, дает выражение тому, чего Польша боится и на что она надеется в области международной политики. Нет, воля и настроения польского народа выражены в решениях ППС и грандиозной крестьянской манифестации, собравшей в августе этого года 150.000 крестьян на полях села Новоселье. Эти решения громко сказали стране и всему миру: Наши друзья — демократические народы, им мы хотим хранить верность! Наш враг — это вооруженная до зубов, хищническая Гитлеровская Германия!

Герман Либерман.

ГРЕЦИЯ ПОД ПЯТОЙ ДИКТАТУРЫ.

Придавленная диктатурой генерала Метакса, Греция находится на пути к превращению во вполне фашистское государство. Гитлеровскими методами диктатура стремится создать для греческого пролетариата, интеллигенции, республиканцев режим бесправия и мучительства, какового доньше никогда не знала эта страна.

Предлогом для провозглашения диктатуры послужила генералу Метакса мнимая коммунистическая опасность. Это — смешная выдумка, к которой никто в Греции серьезно не относится. В действительности государственный переворот стал возможен лишь благодаря сочетанию определенных внутренних и, особенно, внешне-политических факторов. Во внутренней политике то были: разложение крупных политических партий после смерти их вождей (Венизелос, Палларис, Кондиллис), сопротивление офицерского союза обратному введению в армию офицеров, исключенных из ее состава после венизеллистского восстания, и, прежде всего, интересы греческого финансового капитала. Внешне-политически перевороту 5 августа содействовал, главным образом, антагонизм между фашистскими и демократическими государствами в Европе, особенно же в Средиземном море. Со дня на день усиливающееся влияние Гитлеровской Германии, поездки германских министров и агентов в Грецию, германофильское прошлое генерала Метакса, как и усиленная активность фашизма на всем Балканском полуострове доказывают, что греческая диктатура есть детище международного фашизма.

Печать подвергнута строжайшей цензуре, находящейся в руках новосозданного министерства печати и пропаганды. Печеводницы в газетах пишутся большей частью по прямым указаниям министерства. Три больших газеты: «Нэос Космос», «Анексартитос» и «Патрис» были вынуждены закрыться. Главного редактора газеты «Элефтера Гиоми» подвергли изгнанию и заставили пить касторовое масло. Известный редактор Георгион и его жена были присуждены к 2 с пол.

*) Читатели видят, как прав был Отто Бауэр, предполагая, что московский процесс окажется «ужасным несчастьем» для всего международного рабочего движения. Но не меньшим «несчастьем» оказывается, как видим, и вся двоядушная политика коммунизма. — Редакция.

годам тюремного заключения, представитель официального югославского агентства Авала выслан. Редакция газеты «Пройя» подверглась нападению банды сторонников правительства.

Ежедневно имеют место массовые аресты. Интеллигентов, адвокатов, врачей, рабочих, правления профессиональных союзов в полном составе волокут в тюрьму, истязают, заставляют пить касторку, ссылают на штрафные острова. Среди них: профессор конституционного права в афинском университете, Сволос, председатель Лиги Прав Человека со всем правлением этой организации, депутат Цацос, полковник Бакириси, начальник генерального штаба республиканского (венизеллистского) восстания 1935 года. Даже Козанского (Македония) епископа арестовали, угостили касторкой и сослали на гору Афон. Хуже всего приходится арестованным рабочим: некоторые из них кончают самоубийством, чтобы избавиться от пыток.

Марксистские книги подвергаются публичному сожжению, а новый закон предусматривает за хранение их год тюремного заключения и год ссылки. Даже хранение книги Толстого достаточно, чтобы подвергнуться аресту и быть отданным под суд. Повсюду шныряют шпионы, во всех кофейнях и трамваях подслушивается каждое слово.

Все рабочие организации распущены, имущество их конфисковано, руководители отправлены в тюрьму и ссылку. С помощью нескольких перебежчиков правительство старается создать новые «рабочие организации». Во главе их стоит товарищ министра труда Димитратос, бывший профессионалист, исключенный из рабочего движения за ренегатство и недостойное поведение. Правительство очень хвастается тем, что установило декретом минимальную заработную плату: 50 драм для рабочего, 25 драм для ученика. В результате — в самый день вступления этого декрета в силу было уволено множество рабочих, немедленно принятых обратно, но уже в качестве «учеников», и правительство ровно ничего против этого не предприняло. Преследованиям подвергаются и служащие государственных и общественных учреждений, причем и тут опасаются массовых увольнений. Все уверены, что правительство введет своего рода принудительную работу, главным образом — для постройки стратегических дорог.

В провинции, в деревнях положение еще хуже, чем в городах, тут террор не знает никаких границ. Полиция, освобожденная от всякого контроля, стала настоящим господином страны. Мелкие купцы и промышленники стонут под бременем налогов и бесчисленных декретов. Приветствует диктатуру лишь один узкий слой населения — финансовый капитал, пользующийся случаем для ограбления страны. И лишь одна организованная группа стоит за правительством: офицерский корпус. К сожалению, влияние армии было всегда очень сильно в Греции, и пока за диктатурой стоит мощь армии, она может держаться.

ИЗ ПАРТИИ

К СМЕРТИ Р. САЛАНГРО.

По случаю смерти Р. Салангро Заграничная Делегация РСДРП отправила французским товарищам следующую телеграмму:

Глубоко потрясенная трагической смертью нашего славного товарища, министра внутренних дел Роже Салангро, Заграничная Делегация Российской Социалдемократической Партии выражает чувства своего глубочайшего соболезнования Французской Социалистической Партии а также Леону Блюму и правительству Народного Фронта, председателем которого он состоит.

Ф. Дан, Р. Абрамович.

50-ЛЕТИЕ А. А. ЮГОВА.

15 ноября праздновал свое 50-летие секретарь нашей Заграничной Делегации, тов. А. А. Югов. Депутация Заграничной Делегации и многочисленные письма и телеграммы русских и иностранных товарищей приветствовали его в этот день. Но еще раньше, в очередном заседании Парижского с.-д. клуба имени Мартова 12 ноября, тт. Абрамович (от имени ЗД), Юдин (от имени клуба) и Дан отметили в своих речах ту пионерскую работу которую выполнил Югов в области изучения советской экономики и которая создала ему почетное имя и в заграничной с.-д. литературе, а также ту, во вне мало видную но для функционирования и сохранения партийной преемственности крайне важную и ответственную деятельность которая выпала на долю Югова в составе ЗД. В краткой ответной речи т. Югов поблагодарил собравшихся за оказанное ему теплое товарищеское внимание.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Dosse (Documentations de statistique sociale et économique). Fiches N° 311-320. Editions « Nouveau Prométhée », Dosse, 43, Albert-Bartholémé, Paris (15e).

Que Faire? N° 23 novembre 1936.

Marxistische Tribüne. Diskussionsblätter für Arbeiterpolitik. Herausgegeben von der Sozialistischen Arbeiterpartei Deutschlands. Nr 5, octobre 1936, Paris.

La Brochure mensuelle, N° 166, octobre 1936. Lison Marion. L'Evolution Universelle.

Delnická Osveta, Nr 7, 8.

La Révolution prolétarienne, N° 234.

La Phalange, N° 9 et 10. Numéro consacré à Rome.

Cahiers du bolchévisme, 1 Nov. 1936, N° 18-19.

Новая Россия, 15 ноября 1936 г.

Знамя России, № 11 (87), ноябрь 1936.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 5/11, 18/11, 22/11.

Отослано: № № 26, 27.

От редакции. — По причинам организационно-технического характера настоящий номер выходит без отдела «По России».

Следующий, двойной номер выйдет 20 декабря.

„Мировой Большевизм“ по-французски:

Jules MARTOV

“LE BOLCHEVISME MONDIAL”

Préface de Jean LEBAS Introduction de Th. DAN

Sté d'Éditions «Nouveau Prométhée», Paris 1934.

176 pages. Prix 8.—Frs.

С заказами обращаться в контору «Соц. Вестника»

Через контору

„Социалистического Вестника“

можно приобрести

старые русские революцион. и социалистические

**ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ,
СБОРНИКИ, КНИГИ,
ЛИСТКИ, ПРОКЛАМАЦИИ**

ИЗДАНИЯ, выходившие легально в гг. 1905—1907, 1911—1914 и в 1917—1918

ИЗДАНИЯ, выходившие за-границей для пропаганды в России

Брошюры Плеханова, Аксельрода, Мартова, Ленина, Троцкого, Дана и др.

Газеты „Искра“, „Социал-Демократ“, „Пролетарий“, „Последние Известия“ и др.

Протоколы съездов и конференций.

Революционные издания на украинском, еврейском, грузинском и армянском языках.

Журналы и газеты имеются полными комплектами и отдельными номерами

Для просмотра списков и с запросами обращаться:

“LE COURRIER SOCIALISTE”

141, Rue Broca, bat. 11, PARIS (XIIIe)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1937 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

(17-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 80 фр., за 1/2 г. — 40 фр., за 1/4 г. — 20 фр.; для остальных стран: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 3 фр., двойного — 5 фр.; для остальных стран — 4 фр., двойного — 6 франков.

ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно по его выбору:

Абонемент на одно из следующих изданий:

1) «Kampf» — на 1/2 г., 2) «Zeitschrift für Sozialismus» — на 1/2 г., 3) «Idée et Action» — на 1 год.

Одну из следующих книг:

1) Otto Bauer. Zwischen zwei Weltkriegen, 1936.

2) Léon Blum.....

3) A. Gide. Retour de l'U.R.S.S. 1936.

Список книжных премий будет напечатан дополнительно в следующем номере.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно